

Сочинения по произведениям Йирасек А.

Псоглавцы

Алоис Йирасек. Псоглавцы

В предисловии к роману известный чешский писатель кратко рассказывает историю ходов — пограничников. «С древнейших времен естественной и надежной защитой Чешского королевства служили дремучие леса». Потом их стали вырубать, но по опушкам королевских лесов, в долинах, между грядами холмов жили в своих деревнях ходы, «народ крепкий, закаленный, сложения богатырского, нрава удалого». Свою службу они несли честно, мужественно сражались и с порубщиками, и с браконьерами. Их верными друзьями были большие и сильные псы. На знамени ходов был герб с изображением песьей головы, поэтому ходов стали называть «псоглавцы». Чешские короли ценили трудную, опасную службу ходов и выдавали им грамоты, в которых говорилось об особых правах и привилегиях ходов. Они не были крепостными до роковой для Чехии битвы у Белой горы в 1620 г., когда страна потеряла свою независимость. Императорский наместник продал ходов барону Ламмингеру. Тот, конечно, не хотел признавать ходских вольностей и привилегий. Свободолюбивые люди стойко защищали свои права от насилия и беззакония. Больше шестидесяти лет длилась эта борьба, но в 1668 г. ходам навсегда отменили их привилегии, и они были обязаны под страхом строгой кары хранить *perpetuum silentium* — «вечное молчание».

Но гордые ходы не могли смириться со своим положением. Они продолжали наивно верить, что грамоты, выданные им когда-то чешскими королями, не могли потерять силу, что надо и можно добиться справедливости по закону. О том, как пытались ходы отстаивать свои права, о вере простых доверчивых людей в «справедливого» императора, в честность адвокатов и суда и повествуется в романе.

Ходы хранили свои грамоты в заветном дубовом ларце, который прятали то в одном, то в другом тайнике. Барон Максимилиан Ламмингер, получивший ходов в наследство, знал, что добиться их «вечного молчания» нельзя, пока у ходов в руках находится этот ларец. Он заставил своих преданных слуг разыскать ларец. Дрожешевский староста Кршитов Грубый узнал от своих верных людей об этих поисках и спрятал ларец у своей сестры, старой Козинихи, у которой, полагали он и уездный староста Иржи Сыка, никто искать не станет. Барон понимал, что, только спровоцировав своих непослушных холопов на открытый бунт, он сможет вызвать войско, которое поможет найти ларец. Он приказал срубить межевую липу у богатого крестьянина Яна Сладкого, по имени своей усадьбы, прозванного Козиною. Молодой, горячий Козина и его лучший друг веселый волынщик Искра Ржегуржек бросились спасать вековую липу. К ним на помощь подоспел сильный, смелый Матей Пршибек. Панские дворовые разбежались, но они успели не только избить Искру, но и пробить голову Яну. Козина, увидев кровь на своей ладони, с горечью заметил: «значит, уже пролилась» кровь. Ян помнил предупреждение отца (человека честного, которого сняли с должности ходского старосты, так как он не хотел плясать под дудку панов и идти против своих), что барон очень жесток и малая кровь вызовет большую и ничего, кроме бед и разорения, не принесет ходам.

Но отец также был уверен, что ходы не будут хранить «вечное молчание», что когда-нибудь эта борьба начнется.

После стычки на меже Ламмингер вызвал войско, которое перерыло, ограбив и разорив, все дворы. Они нашли заветный ларец, но старая Козиниха, которую сын успел предупредить, сумела спрятать под одежду две грамоты. Ламмингер с большой радостью сжег на глазах избитых, измученных солдатами ходов их грамоты. Теперь наконец-то, подумал он, крестьяне будут его послушными холопами.

Проницательный барон, заметив, как смотрел на него молодой Козина, понял, что перед ним стоит не забитый, трусливый холоп, а гордый, свободный человек, с большим чувством собственного достоинства. И целью жизни барона стало стремление сломить, унижить, а лучше уничтожить этого гордого человека.

Козина возглавил борьбу ходов за свои права. Он, любящий муж и отец двоих детей, понимал, что эта борьба может кончиться трагически для него, но он также понимал, что силой ничего добиться нельзя, надо действовать по закону, через суд, а лучше

всего обратиться к самому императору. В этом его убедил токарь Матей Юст, который рассказал ходам, как паны отобрали у него землю и он нигде не мог добиться справедливости, пока не попал в Вене к императору. При встрече он сказал Юсту: «Возвращайся с богом домой, тебе будет оказано правосудие». Кроме того, когда Юст уходил, император, узнав, что он из Домажлице, спросил: «Так вы, наверное, знаете ходов». Значит, он помнит о них. Конечно, попасть к императору трудно, это стоит больших денег, но Юст им поможет, у него есть очень хороший адвокат. У ходов снова появилась надежда отстоять права, стать свободными, а не подчиняться злобному тргановскому пану. Крестьяне выбрали ходоков в Вену, с ними охотно отправился Юст. В замке ни о чем не догадывались, пока придворный советник, неизменный доброжелатель барона, не сообщил ему о принятых крестьянами шагах. У барона были большие связи при дворе. И хотя ходокам удалось попасть в роскошный императорский дворец, а сам император назначил комиссию, чтобы та разобралась с ходскими грамотами, все закончилось трагично для крестьян.

Узнав, что создана комиссия, и веря, что правда на их стороне, крестьяне перестали ходить на барщину, платить подати, а на масленицу на глазах тргановского пана сожгли плетку — символ их крепостной зависимости. Козина предупреждал своих односельчан, что они не должны допускать никаких вольностей, пока не будет сообщено решение комиссии. Но крестьяне не слушались Козину, они считали, что он напрасно осторожничает, ведь правда на их стороне. Но сила и власть были на стороне Ламмингера, и он добился своего: комиссия не признала прав ходов. Краевой гетман зачитал собравшимся у дома барона «от имени его императорского величества» решение комиссии, в котором говорилось, что они нарушили строжайше предписанное им вечное молчание и за этот своевольный и дерзкий поступок они заслужили строгое взыскание и наказание. Но император может простить их при обязательном условии, что они впредь не будут устраивать тайных сборищ, бунтовать и подавать прошений, жалоб, петиций «по поводу своих мнимых прав».

В присутствии гетмана ходы должны под присягой обещать «покорность своему милостивому пану». Ходы были ошеломлены. Нависла зловещая тишина, в которой грозно прозвучал голос Козины: «Это неправда». Император им бы сразу сказал, что они не имеют прав, а он назначил комиссию, а та приняла несправедливое решение. Толпа гулом одобрения встретила слова Козины. Возмущенные ходы отказались присягать на верность барону. А когда смелый Матей Пршибек, никогда не веривший, что можно добиться свободы по закону, крикнул: «На Ломикара!», лес чеканов грозно поднялся над толпой. Матей Пршибек и другие ходы с поднятыми чеканами ринулись к дверям замка, но Козина опередил их. Он и его дядя, Кршитов Грубый, загородили собой дорогу и тем самым спасли жизнь барону. Матей Пршибек, возмущенный миролюбием земляков, с кривой усмешкой произнес пророческие слова: «Ну, я еще погляжу, как вас отблагодарит за это Ломикар». Он действительно «отблагодарил их по-барски».

Старый Пршибек, последний знаменосец ходов, предчувствовал, что все дело кончится трагически. Большая комета, озарявшая в течение многих ночей небо, говорил он, предвещает большую беду. На своем веку он видел не одну комету, и «всегда за ней шла либо война, либо голод и мор». Но ходы были полны надежд. И Козина, и его дядя, и староста Сыка, и другие отправились искать правду, теперь уже в Прагу. Нашли нового «хорошего» адвоката, заплатили ему немало денег, собранных всем миром, и снова подали в суд. Чешские судьи вдоволь поиздевались над ходоками, на их глазах разрезали с таким трудом сохраненные старухой Козинихой две королевские грамоты и вынесли решение: ходы должны присягнуть «на верность и повиновение вашему законному господину». Ходы отказались, Председатель суда сообщил, что крестьяне подняли бунт, с оружием в руках захватили управляющего барона, поэтому суд не может отпустить ходов домой. Их посадили в тюрьму.

Действительно, весь ходский край восстал, но к этому восстанию людей подтолкнул барон. Ламмингер, воспользовавшись тем, что ходы оказали сопротивление его людям, вызвал войско. Узнав о приближении войска, жители сначала очень испугались. Не растерялся только Матей Пршибек. Он умело организовал отход сельчан в лес, мужчинам приказал собраться с чеканами и ружьями. В плену у ходов был бургграф. Ему сказали, что, если хоть один дом будет подожжен, они его повесят.

Когда ходы увидели в руках Матея древко своего старого знамени, они радостно приветствовали своего признанного вождя. Ходы из разных деревень отошли в лес. За ночь они построили шалаши, сделали укрытия для женщин и детей. Они приготовились терпеливо ждать справедливого решения императора. Войско, конечно, рассуждали ходы, вызвал злодей барон, а когда император узнает, он не разрешит своим солдатам стрелять в мирных крестьян. Не разбойники же они, не бандиты.

Староста Сыка, вернувшись из Праги, сообщилходам, что на суде их грамоты разорвали и у них теперь нет прав, а Козину и старика Грубого посадили в тюрьму, поэтому надо смириться и подчиниться властям.

Непримиримый Матей заявил: «Лучше пусть меня убьют, чем быть рабом, подъяремной

скотиной». И он, и еще человек сто смелых ходов вступили в неравный бой. В этом бою Матей и многие другие ходы погибли. А тех крестьян, которые пошли с повинной, посадили в тюрьму. Солдаты разграбили, сожгли дома и усадьбы ходов.

В Праге в апелляционном суде от ходских представителей потребовали признать недействительными старые свободы и присягнуть в верности пану Ламмингеру. Многие ходы, измученные тюрьмой, тоской по дому, подписались под этим требованием. Только Грубый и Козина отказались это сделать. Их осудили на год. Ламмингер был недоволен решением апелляционного суда и в конце концов добился, чтобы троих зачинщиков бунта признали преступниками и приговорили к виселице. А старосте Сыке и ходу Брыхту следовало ежедневно два часа стоять у позорного столба, а потом они должны были быть изгнаны из страны. Других непокорных ходов приговорили к разным срокам тюремного заключения. До последней минуты ходы верили, что император не допустит такой несправедливости. Действительно, милостивый император заменил три виселицы на одну — для Козины. Барон торжествовал. Он даже разрешил жене и детям встретиться перед казнью с мужем. Ламмингер приказал ходам приехать на казнь. Ходы поехали в Пльзень попрощаться со своим «страдальцем». Барон, видя длинную вереницу телег, думал, что он добился наконец послушания от своих подданных. Внимательно следил всегда спокойный, холодный барон за поведением Козины перед казнью. Да, его волю так и не удалось сломить. Он держался твердо, гордо, смело. Стоя на помосте, Козина выпрямился и, глядя в лицо барона, сидящего на вороном коне, воскликнул: «Ломикар! Не пройдет года и дня, и предстанем вместе перед престолом верховного судьи, и тогда увидим, кто из нас...» Договорить ему не дали. Навсегда запомнили ходы этот день.

Барон сначала не решался приезжать в свой замок. Старый Пршибек часто выходил на пригорок и смотрел в сторону замка. Старик ждал, обрушится ли Божья кара на голову жестокого пана.

Только на следующий год барон приехал в замок. Весь год по ночам его мучили кошмары, он жаловался на здоровье, стал еще более раздражительным и злым. Он все время помнил, как этот бунтовщик с петлей на шее осмелился вызвать его на суд Божий. Ровно через год и один день барон умер от удара. Старик Пршибек, узнав о смерти ненавистного барона, воскликнул: «Есть еще справедливость! Есть еще Бог!» Ходы считали, что в итоге выиграл их Козина, а не барон. Из поколения в поколение, заканчивает свое повествование Ирасек, передавались и будут передаваться рассказы о Козине и славном прошлом «псоглавцев».

